



В.А. Рыжков

ПАРТИИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

**Продолжение
обсуждения
проблемы
«Демократия
и демократизация
на рубеже веков».
Начало см.:
"ПОЛИТИЯ".
1999. № 3. Осень.
С. 88-109.**

Анализ роли и места политических партий в России 90-х годов сопряжен с двумя основными трудностями. Первая – это кажущаяся внешняя простота предмета анализа, для которого, казалось бы, уже есть все необходимое: сведения о названиях партий, их структуре, программах, участии в выборах. Вторая трудность состоит в том, что сам предмет достаточно изучен, и поэтому в ходе его анализа постоянно наталкиваешься на уже сложившиеся стереотипы, отчего работа напоминает порой добротный немецкий автобан с хорошо укатанным асфальтом.

На первый взгляд, в современной России действительно появилась и сразу же утвердилась реальная многопартийность, так как существуют почти двести официально зарегистрированных партий и движений. Одновременно с этим идет процесс укрупнения партийной структуры. В частности, в результате выборов 1993 г. в Государственную Думу прошли пять зарегистрированных партий (КПРФ, ЛДПР, АПР, ПРЕС и ДПР) и три общественно-политических движения, два из которых – «Выбор России» и «Яблоко» – впоследствии также были преобразованы в партии. На выборах 1995 г. пятипроцентный барьер преодолели только три партии (КПРФ, ЛДПР и «Яблоко») и одно общественно-политическое движение – НДР. В декабре 1999 г. в Думу прошли три партии (КПРФ, ЛДПР («Блок Жириновского»), «Яблоко») и три предвыборных блока («Союз правых сил», «Отечество – Вся Россия» и «Единство»). Их общее число несколько возросло, но все же не достигло показателей 1993 г. Партии и движения постепенно укрепляются и на местах: открывают офисы, регистрируют региональные и местные отделения и т.д. В общем перспективы, казалось бы, самые что ни на есть радужные.

Однако при более серьезном анализе российской партийной системы обнаруживаются некоторые неприятные подробности, которые портят общую оптимистическую картину. Например, встает вопрос: почему партии обходят стороной такую проблему, как формирование полноценной общенациональной системы ценностей и стратегии развития страны, в частности, не занимаются разработкой «национальной идеи». Еще хуже обстоит дело с конкретными политическими программами. Содержательных программ, где бы в комплексном виде ставились и решались вопросы государственного строительства и экономического развития страны, у российских партий фактически не существует.

Не лучше ситуация и с региональными и местными выборами, в которых роль партий, как правило, весьма невелика. За редким исключением они не принимают никакого участия в формировании институтов власти в центре и на местах. В общем как влиятельного общественного института партий в России пока нет, их деятельность охватывает достаточно узкую сферу общественных отношений и ограниченные сегменты общества. Внешне благополучная картина российской многопартийности и бурной политической жизни зачастую мало связана с теми вещами, которые называют обычно реальной политикой. Может быть, это лишь следствие молодости партийной системы, и все дело в том, что с 1991 г. прошло совсем немного времени?

Сошлюсь в этой связи на мнения двух постоянных экспертов Московской школы политических исследований, на заседаниях которой неоднократно обсуждалась настоящая тема. А.М.Салмин, выступая весной 1995 г., накануне парламентских выборов, констатировал, что политические партии в России в точном смысле этого слова еще не сложились¹. Спустя год – уже после выборов в Думу – Дж.Ллойд, известный журналист из Великобритании, вновь подтвердил этот вывод. Правда, он сделал при этом важную оговорку – «за исключением КПРФ», сопроводив ее замечательной фразой, которую можно было бы сделать эпиграфом к этой статье: «Политика... в России остается игрой, пусть и серьезной, в которую играют в основном московские политики, заключая и расторгая соглашения без оглядки на своих сторонников, а зачастую и на свои партии»².

Отвечая на вопрос, сложилась ли у нас многопартийная система, попытаюсь дать свою версию. Для этого в соответствии с веберовским методом «идеальных типов» выделю некие идеальные черты современной многопартийности³.

В современном демократическом обществе со сложившейся партийной системой основные партии являются, как правило, массовыми, или народными. Они структурированы на всех уровнях власти. При этом их региональные и местные организации достаточно автономны. Ведущие партии обычно идеологически тяготеют к «центру». У современных партий можно выделить три основные функции. Первая – защита общепризнанных ценностей общества, а также формулирование стратегии и программ развития общества и государства; вторая – формирование и структурирование политической элиты и выдвижение лидеров (или, как у нас говорили раньше, «подбор и расстановка кадров»); третья – организация политического процесса и участие в политической борьбе.

Другими словами, в современной политической системе партия – ключевой институт ее самоорганизации, необходимый для выработки альтернатив общественного развития, формирования и организации жизнедеятельности правящей элиты и обеспечения конкурентного и мирного процесса передачи власти от одних частей элиты к другим.

См.: Салмин А. Выборы и избирательные системы: опыт России в 1989—1995 годах // Sapere Aude. Вестник Московской школы политических исследований. 1995. № 2.

¹ Ллойд Д. Институты российской демократии // Там же. 1996. № 5. С. 115.

² Замечу, что исторически партия не является атрибутом только демократической политической системы. Например, КПСС была необычайно эффективной партией, решавшей все те задачи, о которых пойдет речь дальше, но в условиях созданной ею же тоталитарной политической системы.

При этом она не является в строгом понимании частью государственного организма, бюрократической машины. И тем не менее в современных демократиях эта машина без партий работать не может. Скажем, непосредственно они не вмешиваются в бюджетную или финансовую деятельность государства, однако без них эти сферы почему-то не функционируют. На мой взгляд, в этом состоит главная загадка существования партий. Партия – своего рода языческий идол, который, находясь вне формальных государственных структур, руководит ими. Ключ к разгадке, видимо, в том, что в наши дни партия – это один из главных способов самоорганизации и самоидентификации гражданского общества, позволяющий людям ориентироваться в сложном современном мире и принимать более или менее рациональные решения в ходе выборов. Таинственная сила партии заключается в том, что она оперирует оперирующими, владеет владеющими. Хотя известно, что так называемый модульный человек, о котором писал Э.Геллнер⁴, обычно стремится сегодня избегать любых пут, в том числе и партийных.

⁴ Геллнер Э. Условия свободы. Гражданское общество и его исторические соперники. М., 1995. С. 105–111.

Такова идеально-типическая модель. Теперь посмотрим, что получится, если соотнести ее с российской действительностью.

Сразу возникает вопрос: есть ли в современной России массовые, народные партии? Пожалуй, это определение относится лишь к КПРФ, которая продемонстрировала, что пользуется массовой поддержкой различных социальных и профессиональных групп, а также органов власти всех уровней. Остальные партии имеют, как правило, неустойчивый и склонный к колебаниям актив и такой же неуверенный в своих предпочтениях электорат, что неизбежно сказывается и на их количестве: для страны, рассчитывающей построить прочную демократию, 43 партии (столько их было в избирательном бюллетене на выборах в Госдуму в 1995 г.) или даже 28 (на выборах в декабре 1999 г.) – это, пожалуй, многовато.

Как уже отмечалось, в современных развитых демократиях партии так или иначе стремятся к политическому центру и постепенно деидеологизируются. У нас же в этом плане ситуация весьма неопределенная. Например, кто из «яблочников» может внятно объяснить, какова их идеология в стандартной системе координат – социал-демократическая, либеральная или консервативная? То же самое относится и к КПРФ, несмотря на ее массовость и организованность. В свое время была опубликована примечательная беседа между Г.А.Зюгановым и А.А.Прохановым, в ходе которой руководитель партии заявил, что нынешние коммунисты смогли объединить красное и белое движения, все лучшее, что было у белой гвардии – державность, патриотизм, и все лучшее, что было у красной гвардии – социалистические ценности и т.д. Довольно характерное заявление, которое показывает с одной стороны, явное непонимание лидером российских коммунистов полной несовместимости (религиозной, философской, политической) программ «белых» и «красных», а с другой – готовность во

имя достижения своих политических целей к любой электорально привлекательной теоретической эклектике. В еще большей степени сказанное относится к ЛДПР, идеология которой с каждым годом становится все более рыхлой, размытой, а главное – сочетается с крайне причудливой и непоследовательной политической практикой.

Апофеозом идеологической невнятности и размытости идейно-теоретических позиций основных участников политической жизни страны стал сформированный незадолго до начала кампании по выборам Думы третьего созыва избирательный блок «Единство» («Медведь»). Блок, создатели которого провозгласили принципиальный отказ от какой бы то ни было идеологии, одержал феноменальную победу на выборах, набрав почти четверть голосов избирателей. Таким образом, современные российские партии демонстрируют или явную деидеологизацию, или нарастающую идейную эклектику, указывающую на отсутствие в их программах изначально принятой и продуманной ценностной базы.

Итак, кто на самом деле наши коммунисты, «яблочники» и «либерал-демократы» – радикалы, лоялисты, центристы? Программный тезис Зюганова – «мы непримиримая, но при этом ответственная оппозиция», – в своем роде совершенно замечательная вещь. То есть местами – ответственная, а местами – непримиримая. С одной стороны, центристы, с другой – радикалы. То же самое демонстрирует и ЛДПР: риторика – суперрадикальная, поведение – лоялистское. НДР в первые годы своего существования также не имел никакой идеологии, а только устойчивый центризм «от природы». И лишь с VI съезда (апрель 1999 г.), когда была принята новая программа, основанная на «консервативных ценностях» правого центра, можно говорить о появлении у этого движения зачатков относительно осмысленной идеологии. Правда, это не помогло на выборах 1999 г. в Думу: инерция восприятия НДР как бюрократической и безыдейной бывшей «партии власти» обусловила его неудачу.

Что касается структурированности и эффективной децентрализации современных партий, то этому критерию более или менее соответствует только КПРФ. В большинстве субъектов федерации активно действуют восстановленные ею обкомы и крайкомы, в массовом порядке регистрируются городские и районные организации, опирающиеся на комитеты ветеранов и пенсионеров в микрорайонах. Ее организации на местах достаточно автономны, и случается даже, что они не соглашаются с Центральным Комитетом по кадровым вопросам, касающимся местных выборов. Кроме того, КПРФ решила не оставаться в рамках партии и пошла на создание так называемого народно-патриотического блока (НПСР). С моей точки зрения, это был удачный способ ассимиляции близких по политическому спектру организаций или, если угодно, способ «поедания» более слабых сателлитов, чтобы они были послушны воле стержневой партии и не мешали консолидации ее избирателей. Это, впрочем, не расширило

социальную базу коммунистов, а скорее, лишь мобилизовало ее. Попытка некоторых левых выставить альтернативные КПРФ списки на последних выборах в Думу (ДПА, «Духовное наследие», «Сталинский блок» и т.п.) вновь доказала успех применявшейся в прежние годы тактики коммунистов.

Еще одна особенность КПРФ, которая приближает ее, так сказать, к современным образцам, – относительная независимость перспектив партии от фигуры того или иного вождя. Не Зюганов – так В.А.Купцов, не Купцов – так кто-то другой. Все равно свои проценты на парламентских и президентских выборах она получит. Более того, опросы последних лет фиксируют устойчивую тенденцию – популярность КПРФ, как правило, выше популярности ее лидера, что, вообще говоря, характерно для устойчивых партийных структур. КПРФ и ее избиратели – специфический сегмент современного российского общества, по-прежнему погруженный в мир традиционных советских ценностей, где в качестве общественного идеала выступает однопартийная система, народ доверяет партии формулировку идей и подбор кандидатов, а партия, в свою очередь, облегчает избирателю выбор: когда он приходит голосовать, то находит искомые серп и молот, ставит крестик или галочку и опускает бюллетень в урну. Все остальные, некоммунистические сегменты социума атомизированы, разобщены и не воспринимают партии как основного посредника во взаимодействии между обществом и государством. Ни одна из новых партий не может быть вполне уверена в надежности своих сторонников.

Итак, под основные признаки современной партии в России подпадает, с оговорками, как ни парадоксально, только КПРФ. Все остальные пока не подходят под это определение.

Обратимся теперь к основным функциям партий. Первая из них – выработка идеологии. Сразу надо признать: если российские партии и участвуют в идейной жизни страны, то на последних ролях. Все сколько-нибудь существенные идеологемы последних десяти лет (правового государства, гражданского общества, либерализации, радикальных рыночных реформ) были рождены вне партий или даже при подчеркнутом дистанцировании от них. Что же касается идеологем оппозиции, то довольно отчетливо видна их связь с деятельностью КПРФ. В этой среде возникли такие общеизвестные идеологемы, как «антинародный оккупационный режим», «ограбление народа», «прихватизация», «объегорили-обгайдарили», и последние «находки»: «держава – Родина – коммунизм», «Россия – труд – народовластие – социализм». Причем обычно все это появляется на страницах партийных изданий после того, как коммунисты собираются на пленум и голосуют, т.е. действует нормальный демократический механизм. Демократические же партии, к сожалению, мероприятия с подобными целями почти не проводят. В отличие от обычной современной схемы: «партия – идея – лидер – общество», у российских демократов, как правило, все происходит наоборот: «лидер –

идея – общество», и лишь затем это подхватывается партией, созданной под лидера и его идею (если последняя вообще имеется).

Конечно, можно считать, что новые российские партии находятся в самом начале пути, еще создадут соответствующие институты и научатся, как левые начала века, в двух-трех словах выражать «всю мировую философию». Но пока партии не стали институтами, обеспечивающими идейное лидерство в проведении реальной политики.

Что касается другой партийной функции – выдвижения лидеров и формирования правящей элиты, то здесь ситуация опять-таки весьма плачевная. Один из немногочисленных примеров участия партий в осуществлении кадровой политики – выборы в Государственную Думу. Это стало возможным только благодаря тому, что после событий сентября-октября 1993 г. был принят закон, согласно которому половина депутатов Думы избирается по партийным спискам. Будь в нынешней России система выборов только по мажоритарным округам, картина наверняка была бы принципиально иной, поскольку, как правило, в 225 мажоритарных округах наиболее «проходные» кандидаты предпочитают избираться не от партий, а как независимые, зачастую называя себя «крепкими хозяйственниками». Такие кандидаты каждый день появляются на экранах телевизоров и говорят, что они вообще к политике отношения не имеют, так как занимаются ремонтом школ и больниц, помогают бедным и т.д. И лишь в исключительных случаях тот или иной кандидат в депутаты или, например, в губернаторы открыто связывает себя с какой-либо партией.

Можно проиллюстрировать роль партий в выдвижении кадров и еще на одном примере – типичном бюджете любой избирательной кампании. Если принять его за 100 процентов и посмотреть, какая доля идет на чисто партийные расходы, т.е. работу активистов «от двери к двери», проведение митингов, расклейку агитации и т.д., то выяснится, что на это уходит не более 5–10% всего бюджета. Остальные средства, обычно минуя партийные структуры, чаще всего используются для оплаты СМИ, найма профессиональных консультантов, имиджмейкеров, менеджеров, на специальные акции и т.д. Показательна в этом отношении и деятельность «общественных палат» при губернаторах. Последний своим распоряжением создает общественную палату, состоящую из представителей политических партий. Общественная палата созывается по достаточно случайным поводам для чисто пропагандистских целей. Однако в результате этой акции губернатор получает возможность решительно отклонять все упреки в том, что он не прислушивается к мнению партий, не советуется с их представителями.

Единственное исключение в данном случае – опять-таки КПРФ, непосредственно влияющая в ряде регионов на назначение заместителей губернаторов, руководителей комитетов, управлений краевых, областных и республиканских администраций. Так, известны факты активного участия КПРФ в формировании органов власти Алтайского и

Ставропольского края, Волгоградской области. Однако и ее влияние на принятие кадровых решений – не более чем «остаточное явление» со времен советской системы, имеющее место в тех субъектах федерации, где региональная элита еще принимает старые правила игры. В целом же по стране кадровые решения как на федеральном, так и на региональном уровнях носят чаще всего внепартийный и, более того, необщественный характер, отражая либо личные пристрастия принимающего решения лица, либо интересы той или иной корпоративной группировки.

Отдельно следует сказать о так называемых региональных партиях, наиболее известная из которых – «Преображение Урала», созданная свердловским губернатором Э.Э.Росседем. Это пример той же модели, когда не партия делает политику, а политика делает партию. «Преображение» было создано как политический инструмент губернатора для решения внутрирегиональных задач, с тем чтобы структурировать и дисциплинировать подчиненных и сторонников в рамках единой организации. С таким же успехом для этих целей мог быть создан кружок любителей рыбной ловли и охоты или общество стрелков-спортсменов. Главное, чтобы в подобную организацию были вложены административные и материальные ресурсы, и она стала бы элементом идентификации определенной властной группировки. Россель пошел по достаточно цивилизованному пути: создал структуру партийного типа. Однако скорее всего это лишь кратковременный ситуативный инструмент в ходе региональной политической борьбы.

1999 год «подарил» России принципиально новый тип региональных партий. Возникли так называемые губернаторские партии: «Вся Россия», «Голос России», «Единство» и др. Их отличие от «Преображения Урала» или «Возрождения Урала» из Челябинска, краснодарского «Отечества» (не путать с «Отечеством» Ю.М.Лужкова) заключается в более широком охвате субъектов федерации и подчеркнутой «межрегиональности». Сходство же состоит в том, что они создаются с теми же целями «хозяйского» распоряжения губернаторскими административными ресурсами без какой-либо ясной идеологической программы.

Приведенные примеры – свидетельство несомненной слабости существующих общенациональных партий, не способных серьезно влиять на публичный политический процесс и вынужденных считаться с сообществами региональных лидеров. Они слабы и с точки зрения своей сплоченности: нередко на один и тот же пост во время выборов претендуют сразу два или три кандидата от одной партии.

Остановимся и на роли партий в организации реальной политической борьбы, взяв для примера президентские выборы 1996 г. Если в кампании Зюганова решающую роль играла организационная и идейная поддержка КПРФ и ее союзников (хотя не стоит сбрасывать со счетов и административную помощь губернаторов – союзников левых), то в кампании Б.Н.Ельцина партийный ресурс имел сугубо

вспомогательное значение. Вместо него работали административные ресурсы Кремля и Дома правительства, финансовые вливания в широкомасштабную агитацию на телевидении, в центральной и региональной прессе и т.п. Ни одна из партий в тот период не ассоциировалась с Ельциным, более того – главным лозунгом кампании был «Ельцин – президент всех россиян», подчеркивавший вне- и надпартийный статус этого кандидата от «партии власти».

Во время президентских и губернаторских выборов партии выполняют в основном «шумовую» роль. Их то привлекают к реальной борьбе, то не привлекают. Это зависит от конкретной ситуации, так как не партия решает, будет ли она участвовать в кампании того или иного кандидата, а сам кандидат решает, выгодно ему такое участие или нет. Поэтому в ходе парламентских выборов кандидаты часто отказываются от партийного статуса и переходят в «независимые».

Реальная многопартийность, способная формировать политику в современной России, отсутствует не потому, что она молода или неразвита. Она не складывается, так как пока системно не востребована самим обществом: реальная политика осуществляется через другие институты. Главные решения российской политики 90-х годов принимались президентом, строившим свою стратегию на внепартийной и надпартийной основе: «партийные» министры и вице-премьеры были в правительстве редким исключением. Внепартийная исполнительная власть находилась в принципиальной оппозиции к многопартийному парламенту, особенно технократы, либо ориентировавшиеся на стратегию особых отношений с МВФ и МБ, либо учитывавшие сложный баланс интересов между крупнейшими экономическими игроками – банками, нефтяными и газовыми гигантами, естественными монополистами, богатыми внебюджетными фондами. Существующие между ними финансово-бюрократические отношения совершенно непрозрачны для общества и его публичных институтов, прежде всего для такого ключевого посредника между обществом и государством, как политические партии.

Так называемая партия власти 90-х годов – это самый сложный конгломерат, состоящий из чиновничества, финансово-промышленных и банковских групп и подконтрольных им СМИ, который всегда рассматривал партии не как метод самоорганизации политического класса, помогающий осуществлять его внутреннее регулирование, а как второстепенный и ситуативный инструмент политики. Отсюда легко возникающие и столь же легко исчезающие «воплощения» этого конгломерата в псевдопартийной структуре: «Выбор России», «Демвыбор России», ПРЕС, «Отечество – вся Россия», НДР, «Единство». Когда этот конгломерат раскалывается на несколько относительно стабильных и противостоящих друг другу лагерей, то сразу возникает ряд «воплощений» одного явления (как в случае с тремя последними из названных объединений).

СТАНОВЛЕНИЕ РОССИЙСКОЙ МНОГОПАРТИЙНОСТИ

Однако во всех случаях «партии» – это не институт реального обсуждения и принятия решений, не механизм выработки стратегии и тактики, не место конкуренции и роста политических лидеров. Действительно заинтересованы в полноценном использовании партийного инструментария только российские «левые», находившиеся все эти годы в оппозиции, да и то лишь в силу традиции (идушей, похоже, даже не из советских, а еще досоветских времен создания и эволюции РСДРП).

Итак, в России нет пока ответственной многопартийности, есть лишь несколько зачастую плохо оформленных и постоянно меняющихся группировок, среди которых выделяется в первую очередь уже упоминавшаяся «партия власти». Для этой псевдопартии характерна слабая и, как правило, вынужденная (реактивная) публичная деятельность и склонность к подкованной, закулисной борьбе.

Второй лагерь – «правящая оппозиция». Очевидна значительная роль левых и их союзников в Государственной Думе. В Совете Федерации им принадлежит до 40% всех мест. Уже отмечалось, что ряд субъектов федерации (примерно 15) находятся под их контролем. Таким образом, КПРФ и ее сателлиты представлены на всех уровнях власти, они очень активны, а их публичный стиль можно определить как попытку сочетать оппозиционный гнев и властную респектабельность.

Третий лагерь – «пограничники». Сюда можно отнести «Яблоко», ЛДПР партию А.И.Лебеда и другие структуры, опирающиеся на ту часть общества, которая стремится дистанцироваться как от «власти», так и от «оппозиции». Анализ опросов общественного мнения свидетельствует о том, что при «втором выборе» избиратель ЛДПР тяготеет обычно к левым, а избиратель «Яблока» скорее к «партии власти». Самый классический «пограничник» – это избиратель Лебеда: практически невозможно предсказать заранее, кого он поддержит.

Различия между этими тремя лагерями заключается лишь в том, что лагерь КПРФ мобилизован и имел единую структуру – Народно-патриотический союз России (НПСР), который, правда, фактически развалился в 1999 г. Отдельно от КПРФ на думские выборы решили идти сразу несколько структур, ранее входивших в состав НПСР, – «Российский общенародный союз» (РОС) С.Н.Бабурина, «Движение в поддержку армии» (ДПА) В.И.Илюхина и «Духовное наследие» А.И.Подберезкина. Правый же лагерь – при том, что создан «Союз правых сил», – всегда раздроблен, скандален, пестр, и фавориты в нем меняются примерно каждые полгода. Но если основные лагеря обретут устойчивость и эффективность, то промежуточное поле «пограничников» будет сужаться. А пока, в дни политических кризисов, оно разрастается и достигает порой, согласно опросам, 40%.

Сказанное позволяет вывести три закономерности. Первая: реальное влияние партий всегда обратно пропорционально их количеству. Вторая состоит в том, что полноценные партии формируются только тогда, когда исчерпываются продуктивные возможности других

СТАНОВЛЕНИЕ РОССИЙСКОЙ МНОГОПАРТИЙНОСТИ

механизмов общественной самоорганизации. Партия предполагает самый высокий уровень политической идентификации. Пока в России «успешно» действуют иные механизмы и иные методы принятия решений и кадровой селекции – личные, корпоративные, криминальные, клановые партии останутся на обочине, системно не востребованными. Пока все эти методы и механизмы не будут отвергнуты молодым гражданским обществом, реальной и ответственной многопартийности у нас не будет. Третья закономерность заключается в том, что пропорциональная избирательная система и партийная структура парламента сами по себе не являются еще достаточным условием для формирования реальной многопартийности.

Партийная система России может развиваться в двух различных направлениях: либо как необходимый инструмент посредничества между гражданским обществом и государством, либо по пути традиционных патерналистских обществ (в частности восточного типа), в которых партии играют декоративную или полудекоративную роль, скрывая своим формальным существованием наличие совсем иных механизмов политического руководства.

Представляется, что в современной России есть все условия и возможности для создания такого эффективного института общественной самоорганизации, как партии, хотя в 2000 г. мы едва ли не так же далеки от решения этой задачи, как и десять лет назад.